

ДНЕВНИК
АНИ
АРАЦКОЙ

Этот дневник вёлся под пулями, едва ли не на линии фронта...

Сталинград. В войну семья Арацких (отец - столяр, мама - домохозяйка), в которой было 9 детей, жили на поливаемой огнём улице у реки, по адресу: 3-я Набережная, дом 45, - недалеко от того места, где сейчас находится Панорама Сталинградской битвы. Текст дневника средней дочери начинается под обстрелами. И обрывается уже после того, как мать с детьми вступает в Красную армию, а брата Виктора Аня долго, слёзно провожает на фронт...

«Уволены из Красной армии были в связи с болезнью; выписали нам документ к родственникам в Красноярский край; к своим руинам в родной город вернулись после войны», - написала сестра Ани в справке, сопровождающей дневник, когда решила отдать его в Музей-заповедник «Сталинградская битва», сотрудники которого и передали «АиФ» эти записи.

«Немцы полностью уничтожены, и идут длинные вереницы пленных, - пишет Аня в феврале 1943 года. - Противно на них смотреть, идут обмороженные, полураздетые, сопливые. Гады проклятые, а кто вас сюда звал? Так бы и побить их всех. Хочется мстить за Папу, за раненую землю, за раздавленную свою молодость. Вчера был день моего рождения, а чем он был отмечен? Даже никто меня не поздравил с днём рождения. В огне пожара протекают мои юные годы, без радости и счастья. Мы голодные и холодные, разутые и раздетые».

Из сопроводительного документа ясно, что после войны Аня стала бухгалтером, проработала в Качинском высшем военном училище лётчиков более 30 лет, затем 10 лет - в тресте «Волгоградсельхозводстрой». Семья у неё не сложилась. Умерла в 1996 году - тогда-то сестра и принесла дневник в музей.

...А младший брат Виктор с войны не вернулся.

Сегодня **30 августа 1942 г.** Воскресенье, вот уже целая неделя с того момента, как сидим в окопе, с 23 августа бомбежка, от Сталинграда одни обгорелые камни да жертвы ни в чем не повинных людей.

Сегодня **4 сентября**, опять сидим в окопе, и не знаю, когда придет конец всему. Ведь столько слез пролито за эти 13 дней. Сегодня пятница, а в воскресенье 2 недели, бомбить все продолжает. Хотя бомбить уже нечего, а сегодня всю ночь бомбил и перед рассветом разбросал зажигательные бомбы на нашу улицу, одна упала к нашему забору от Кудрявцевых прямо в бак с галошами, но все затушили, упала к Богаровым, к Гореликовым, на улицу около Веденевых, Вигилянские сгорели, мы были в огненном кольце, но Бог спас нас, и слава Богу.

Ой, господи, неужели мы не выживем всего этого, страшно, кругом строят на улицах баррикады, кошмар, наверное, весь впереди. Сейчас пишу на ступеньке закрытого окопа на коленях. Милый дневник, когда же придет конец всему страданию? Теперь я вспоминаю новогодний сон. Большой белый крест - вот оно, мое терпение. И гадание на блюдечко: переживаниям нет конца. Эх, как не хочется умирать! - не видя жизни. Если я буду жива, наверное, никогда не забудешь 1942 год и этот окоп. Сейчас утро, время не знаю сколько, может, 11 ч. или около 12 часов.

Сегодня **20 сентября**, а мы все еще не вылазили из этого «проклятого» окопа, ровно месяц, как бомбит беспрестанно. Страху насмотрелись всякого, не знаю, мог ли раньше человек пережить все. Файку Цветкову убило миной. Сидим ни живы ни мертвы, о, если бы Бог дал счастье - жить.

14 ноября 1942 года. Думала, что в огне, слезах, бесконечном горе и голоде никогда не появится желания писать снова дневник. А сегодня случилось такое, что заставило меня писать.

Все это время совершенно не было никакой возможности писать, к тому же не было ни бумаги, ни места, ни чем писать.

А сегодня вдруг сразу нашлось все (тетрадочку мне подарил один боец, перо попросила в штабе, где я служу, ну а чернила легко сделала из карандаша, ручку из обыкновенной палки). Живем мы сейчас в доме-общежитии, пиши на здоровье.

Я настолько привыкла писать сюда, что все это время страшно переживала, что не было возможности делиться с тобой - мое немое создание! Начала писать еще с 5-го класса, но тот дневник теперь потерян для

меня навсегда. Я его брала с собой даже в окоп, возможно, его кто-то читал? Что ж, там мои школьные девичьи воспоминания, жаль, что он потерян. Да что дневник? Вот потерян навсегда самый дорогой человек - отец! Снова и снова наплывают воспоминания о Папе, каждый день, каждый час, каждую минуту. С Папой было хорошо, с ним мы были все вместе и в родном гнезде. Куда теперь нас разбросает судьба?

Так и сидели мы в окопе до тех пор, пока не погиб наш дорогой Папочка. Его убил немец-снайпер.

Помню, как полтора месяца тому назад, вечер 26 сентября был очень тихий, светила полная луна, ни ветерка, ни тучки, ни единственного выстрела. Пришел Папа и сказал: «А ну вылезайте все из окопа и подышите воздухом», а сам взял на руки свою любимицу Лиду, т. к. она меньше всех, ей 6 лет. Мы все расселись около него. В тот вечер Папа был почему-то такой задумчивый, казалось, что глаза его смотрели куда-то в одну точку, на Волгу, в них даже было видно отражение «золотой» лунной дорожки на воде. Папа говорил, что все мы уже большие (кроме Лиды), все ему станем помогать, что скоро погоним немцев и мы снова еще раз построим себе дом, выстроим его еще лучше и еще больше. Вспоминали, где кто побывал, Папа впервые улыбнулся за этот вечер и сказал, что я больше всех остальных уже побывала в других городах. Так приятно было сидеть рядом с Папой, с ним как-то не так страшна была война. Затем он проводил нас всех спать в окоп, а сам еще долго что-то делал сверху по устройству нашего окопа.

А 27 сентября рано утром Папа разбудил нас. На улице было так тихо, ярко светило сентябрьское солнце, вода блестела и, казалось, застыла на месте, как залитое стекло-зеркало, казалось, что все кончилось и нет больше войны.

Папа, как и всегда по утрам, приготовлялся идти развести костер, чтобы сварить манной каши. В это время прибежали два Вити и впервые нарушили эту мертвую тишину, перекинувшись несколькими короткими фразами. Витя и «Пачик» ушли. А Папа в это время открыл крышку окопа и крикнул соседу: «Шура, выходи, вы жив...» - на этом недосказанном слове и оборвалась его жизнь. Раздался выстрел, а скорее какой-то щелчок - и Папа стал медленно оседать на ступеньки окопа. Все это произошло в какой-то миг и было как далекий сон, я все слышала сквозь утреннюю дрему, а когда раздался щелчок-выстрел, я открыла глаза, и первое, что я увидела, - оседающего, беспомощного и всего в

Кокетливые береты, губная помада... Уже первый военный ноябрь - а они ещё снимаются в фотоателье на память, по мирной привычке... Аня (вторая справа) ещё не начала вести дневник, а Сталинград ещё не стал пеклом, рубежом и подвигом. Всё только впереди.
Фото из фондов музея-заповедника «Сталинградская битва».

крови Папу. Мама стояла как замороженная в этот момент и смотрела на него, неспособная двинуться с места. Я подбежала к нему первая, т. к. сидела крайняя в окопе, рядом с Мамой. Но было уже поздно, Папа был мертв, хотя пульс и сердце еще бились, а кровь лилась «ключом» из его правого виска, я попробовала пальцем приостановить кровь, но мой палец легко прошел в это отверстие и кровь лилась, лилась, лилась...

Кричали мы все, и, видимо, на крик прибежал Витя, он стоял молча и смотрел широко открытыми глазами на Папу, по щекам его текли слезы, в это время его волосы чесали пули, видимо, того же снайпера, летели мимо ушей, плеча, а он все стоял и будто не замечал ничего вокруг себя. Я кричала ему: «Беги Витя, беги отсюда». Началась такая ужасная стрельба, но мы ее уже не слышали, крышка нашего окопа опустилась, оставив нам небольшое отверстие, и мы погрузились полностью в свое неутешное горе. Где был Витя? Что с ним, мы не знали, т. к. он остался там, наверху, а мы в окопе. Потом мы увидели, вернее, услышали голос «Пачика», он смотрел на Папу такими же удивленными глазами, как и Виктор, только спросил: «Что, разве убили дядю Мишу?», а сам ползал вокруг окопа, как кошка, и приговаривал: «Туже перевяжите его». Затем все смолкло и мы увидели опустившуюся к нам в окоп руку, с пальцев которой в окоп лилась алая кровь, были видны ноги, обутые в такие же ботинки, что и у Вити, и мы поняли, что на крышке лежит убитый - Виктор, горе наше удвоилось, и мы, кажется, потеряли рассудок.

Так мы и сидели, с мертвым Папой, без еды, воды и сна 2 дня. Много погибло людей в этот день, самый первый погиб наш Папа. Погибли наши соседи Вера и Евдокия Павловна Соснины. Здесь же, рядом с окопом, было много убитых бойцов.

Лишь поздно вечером второго дня с тихим плачем подошла к окопу тетя Маруся, и мы услышали голос нашего Виктора, не верилось, Витя был жив, а погиб, оказалось, «Пачик», верный друг Виктора, ведь он пришел, чтобы разделить с нами наше горе, и погиб сам, видимо, от той же руки снайпера.

Тетя Маруся плакала так тихо, что ее плача никто не слышал, ведь он был у нее единственный и любимый сын. Затем они с Виктором помогли нам вытащить труп Папы из окопа.

На следующий день, как стемнело, мы обернули трупы Папы и Виктора в простыни и схоронили их в подвале у Подлесновых. Взяли с со-

бой по сумке муки, что была в окопе, и пошли к Волге. Даже не оделись ни во что теплое и босые двинулись в далекий и страшный путь.

Дойдя до оврага, я увидела трупы Веры и ее матери, их никто не присыпал землей. Шла самая последняя, голова кружилась, сил совсем не было. Я скатилась как камень вниз оврага, идти больше не было сил, ноги распухли и ужасно болели. Меня подняли бойцы, но я снова падала и не стояла на ногах словно пьяная, помню не благодарила их и была в каком-то забвении. Нервы были напряжены до предела. Когда мы наконец добрались до берега, сразу же бросились к воде, во рту все высохло и нестерпимо хотелось пить. Пили очень жадно и много, здесь же, по берегу, было очень много убитых бойцов.

Идти было очень тяжело и далеко. Пока мы добрались до переправы, мы пережили страшную бомбежку и минометный обстрел. Шли всю ночь, ежеминутно падали навзничь, немцы без перерыва били и вешали светильники, становилось так светло, что, казалось, пролети муха - и ее заметят. Мы падали и, как только гасли светильники, поднимались и шли снова и снова...

Я все время вела Лиду, она всю дорогу плакала и боялась. Уговаривала как могла, но ведь идти по берегу, по обрыву было очень трудно и опасно, один неосторожный шаг - и можно было сорваться вниз.

Когда мы пришли на 62-ю переправу, которая находилась на Красном Октябре, было уже почти утро. На берегу было много носилок с тяжелоранеными. Стояло три пароходика. На пароход нас не брали, т. к. они все были переполненные, но когда начальник посмотрел на маму с Лидой, на нас всех, сердце его, видимо, не вытерпело, он тихо сказал раненым: «Потеснимся, товарищи, и возьмем эту семью». Мы «сели» (если можно так сказать, места было только встать почти одной ногой) на пароходик и отчалили от берега. Сразу же появились немецкие самолеты, сколько их было? Не знаю, но много, сразу посыпалось множество бомб. Ужасная бомбежка, бомбы падали и впереди, и сбоку, и сзади, наш маленький пароходик качало так, что каждую секунду мы могли перевернуться, каким-то нечеловеческим чудом, благодаря такому опытному капитану, он совершал прямо подвиги, чудом мы добрались до берега, еще не успел причалить пароходик, как сразу же последовала команда: «Не скапливаться и бежать всем, кто может, в лес». Легко сказать «бежать», но как? Сил бежать не было, ноги совсем не слушались, идти было очень трудно, мы спешили, нас гнал в лес наступивший

рассвет. Всем хотелось поскорее добраться до полосы спасения - леса, все спешили туда, все, кто мог идти, а идти могли немногие, большинство были тяжелоранеными, повсюду стояли носилки с ранеными, геройство проявляли санитары и персонал пароходика, кого несли, кому помогали идти, кто ковылял, еле передвигаясь, сам. А самолеты шли очень низко и стреляли по нас, хотя и видели, что идут раненые. Когда добрались до леса, а он был всего в нескольких метрах от берега, силы почти оставили нас, дальше идти сил совсем не было, ноги распухли...

Потом сели в машину и поехали, а куда? Не все ли равно. И опять бомбежка, мы то садились в машину, то вдруг сходили с нее и бежали прятаться или просто падали плашмя, распластавшись на дороге. Потом варили чай в лесу, отдыхали, кажется, по-настоящему - лежа, ведь такой возможности сидя в окопе не имели. А утром снова сели на машину и поехали дальше от пылающего, сожженного родного города, от Папы...

Так на попутных машинах мы добрались до Камышина. Осень началась в этом году рано, рано пошли холодные со снегом дожди, а надеть нам было нечего, все осталось в городе, дома, а его теперь не было, были одни развалины. Дом наш сгорел 21 сентября, все, что было в доме, все сгорело, теплые вещи были закопаны во дворе, а мы разуты, раздеты, и спрятаться нам негде. Переночевать нас никто не пускал, да и что мы могли дать за ночлег? Семья наша была большая, Мама и нас пятеро. Так мы дрожали и мокли под ледяным дождем, под открытым небом, голову и ту некуда было спрятать. Помню, нашли мы на окраине Камышина погребок для коз и залезли туда. О! Это было просто блаженство! Но «счастье» это длилось недолго, вышла хозяйка, раскричалась на нас и выгнала. И пошли мы с тяжелым камнем в сердце, не зная, куда же нам пойти, надвигалась ночь, было так холодно, лил дождь с мокрым снегом. Лида плакала. Шли по дороге до тех пор, пока не пришли к регулировке. Около регулировочной будки было немного народу, остановились и мы в надежде подъехать куда угодно на машине. Сидели долго, все до нитки промокли, а что было делать? Потом подошла машина, вышел из кабины какой-то начальник, подошел к нам и сказал: «Вы кто и куда едете?» Мы сказали, что ехать нам некуда и мы хотим поехать, а куда и сами еще не знаем. «А хотите, сказал он, пойти в Армию по вольному найму? Я возьму вас в полевой прачечный отряд, всех. Так как вижу, все вы работоспособные, обмундируем вас и кормить будем». Мы

К 23 августа 1942 года, когда город был почти стёрт с земли, из чуть более 400 000 жителей Сталинграда около 100 000 человек были эвакуированы. 24 августа попытались эвакуироваться те, кто выжил в той мясорубке.

Фотохроника ТАСС.

все обрадовались, а Мама колебалась, так как ей тяжело было отпустить нас всех и остаться с Лидой, ей 6 лет, но он сказал, что беру всех, а девочку зачислим воспитанницей. Что же нам лучшего желать?

Служба была нелегкая, мы долбили мерзлую землю, стирали в ледяной воде, натягивали палатки, пилили лес, ходили в наряд. Тяжело всем, главное, у нас была крыша над головой, жили в палатках, были обуты и кормили нас.

Больше всех приходится в наряд ходить Виктору. И за меня, и за Марию, и за Тоню. Хороший он у нас парень, все в отряде его уважают, всем он делает только хорошее. Очень любит Лидочку, и она его, приходит спать после наряда, уставший, ему бы сразу отдыхать лечь, а он еще находит время для своей младшей сестрички, занимается с ней, делает ей лодочки из бумаги, играет с ней, какой он у нас желанный. Ведь он у нас сейчас единственный мужчина, Папа погиб, Саша где-то на фронте, а где он, мы не знаем, может, он тоже погиб? Если бы он знал, где мы и что с нами сделал немец?

Витя один у нас остался, оберегает нас, жалеет и всю тяжесть нашей семьи берет на себя.

Единственное наше счастье сейчас, что мы все вместе пока, и не у немцев. О! Как я их ненавижу и презираю, изверги проклятые, что вы с нами сделали? Если мне удастся, я отомщу им и за Папу, и за дом, что разрушили, и за город наш! А Саша, где он и что с ним, ведь он моряк Черноморского флота, а на Черном море немцы. Жив ли Саша? Знает ли он, что с нами сделал немец, какое у нас неутешное горе, если он жив, он, конечно, знает, что к нам в Сталинград тоже пришли немцы, но только вряд ли немцы возьмут наш город. «Захотели Сталинград - получите стали град» - так было написано в нашей «Сталинградской правде». Только я думаю, что мы ни за что не сдадим наш город немцам. Мы ведь тоже в армии, все равно не отдадим город. Слышишь, проклятый Гитлер, будь ты проклят, грызи хоть зубами нашу землю, но не возьмишь наш Сталинград! Страшно подумать, как немцы разрушили город, нет теперь у нас в городе ни одного целого дома. Только подумать, весь город разрушили изверги проклятые. Как бы то ни было, как бы ни рвались немцы в город, к Волге, все равно «Не видать вам красавицы Волги, и не пить вам из Волги воды»...

Пишу, все спят, еле мигает моя коптилочка, гори милая, мне так хочется писать, поделиться бы с кем, но как? Тоня спит, даже с ней не

смогла поделиться тем, что так тревожит меня сегодня. Сегодняшний день я не забуду никогда и буду помнить его до конца своей жизни.

Вечером сегодня подошел ко мне Яша, лейтенант наш, и сказал мне, чтобы я к 9 часам явилась в штаб, меня вызывает какой-то начальник. (...)

Но кто он, этот начальник? В военных различиях я не разбираюсь, на петлицах у него продолговатые квадратики. Сколько ему лет? Что-то не определяю, взгляд серьезный, глаза такие живые и улыбающиеся, похожие на Папины.

Как только я вошла, он меня назвал Аней и пригласил садиться. Я села. Он знает о нас все, знает, что Папу убили немцы, что Папа наш был честный рабочий, хороший человек. Что мы все имеем среднее образование, что есть маленькая сестричка Лидочка и мы все ее любим. Что Маме с нами очень тяжело сейчас и она правильно сделала, что пошла с нами в армию по вольному найму добровольно. И откуда он все это знает? Кто рассказал ему? Интересно. И почему он вызвал именно меня, а не Марусю, не Тоню, не Виктора, ну почему? Беседовал он со мной много, даже предлагал мне чаю с конфетами, я, конечно, отказалась. А потом он мне сказал, что я должна быть бдительной, наблюдательной и смекалистой, что все это мне очень пригодится в дальнейшей работе. Я ему ответила, что болтлива, откровенна, словоохотливая и слабоумная. Он очень долго и сильно смеялся, потом похлопал меня по плечу и сказал, что его это устраивает. Сказал, что жить нам теперь будет немножко лучше, что прикрепят меня к какому-то военторгу, а зачем? Что я такого сделала и кто я такая? Потом он мне еще многое говорил, о чем я даже сюда не могу написать. Потом я подписывалась. И чтобы об этом никто ничего не знал, даже Мама. А она меня ждала, не спала, спросила, где я была, ругала меня сильно. А Тоня меня ждала и спрашивала, в чем дело, и ей я ничего не могла сказать, не скажу никому, ни Виктору, ни Марии, хоть всех я их люблю. (...)

24 декабря 1942 года. Давно я не писала сюда. Да и как писать, где? Все это время мы были в страшном огне. Уже миновали село «Иосиф Сталь», а все-таки там было хорошо, там нам было тепло, мы жили в домике, ходили натягивать палатки, было даже весело, работает вся молодежь, и начальник у нас хороший. Вечерами мы устраивали, прямо сказать, «посиделки», пели песни, грызли семечки. Их так много в поле, в снегу.

А потом мы снялись, погрузили все имущество на повозки, Мама и Лида ехали, а мы шли пешком, ночью, метель страшная, как мы все выжили и не замерзли в пути. Были в Лапшинки, жили в устроенных военных землянках, уехали оттуда поездом, ехали долго, нас бомбили. Затем опять шли пешком в лютые морозы и страшную метель, пришли на станцию Шишкино, станция одно название, разваленный до основания дом, где ни одной целой комнаты нет, а мы так питали надежду на обогрев там. Вся станция разбита, и негде приютиться даже на одну ночь. Начальник этой станции жил тоже почти под открытым небом, где-то в уголке разрушенной станции, у него было подобие комнаты, дыры которой забиты досками, стояла самодельная печь и топилась почти на улице, попробуй натопи ее, но все-таки он оказался человеком настоящим и взял Маму с Лидой под крышу, какая была страшная вьюга, снег лепил так, что в двух шагах не было ничего видно. Все остальные пошли прямо в степь и стали натягивать палатки, ветер рвал все из рук, руки совсем окоченели и не слушались, но надо было во что бы то ни стало натянуть хотя бы одну палатку. С великим трудом палатку поставили, и все мы были рады. Спать устроились прямо на голом льду, мерзла страшно, и не знаю, каким чудом мы остались живы и не замерзли.

А потом все мы опять куда-то двинулись, долго ехали, шли пешком, и нас свалила тяжелая болезнь мышинный тиф - туляримия. Помню, что 29 ноября я заболела первая, а потом Тоня, Лида, Мария, Мама и Виктор. Болезнь эта очень тяжелая, температура очень высокая и бред, бред, бесконечный бред. 13 декабря наша часть двинулась в путь. Шли пешком, ехали... нас больных тоже взяли и везли на лошадях, была страшная пурга.

20 февраля 1943 года. Ура, ура, ура! 3 февраля освободили Сталинград! Немцы полностью уничтожены, и идут длинные вереницы пленных. Противно на них смотреть, идут обмороженные, полураздетые, сопливые. Гады проклятые, а кто вас сюда звал? Так бы и побить их всех. Хочется мстить за Папу, за раненую землю, за раздавленную свою молодость. Вчера был день моего рождения, а чем он был отмечен? Даже никто меня не поздравил с днем рождения. В огне пожара протекают мои юные годы, без радости и счастья. Мы голодные и холодные, разутые и раздетые.

Все это время не было ни малейшей возможности писать. 24 декабря

Это фото фонтана «Бармалей» в центре Сталинграда было сделано 23 августа 1942 года - после чудовищной бомбардировки города (за один день было совершено 2000 налётов), во время которой, по разным данным, погибло от 70 000 до 90 000 мирных жителей. Огненный вихрь (после фугасных бомб фашисты сбросили на город зажигательные) выжег весь центр Сталинграда со зданиями и людьми. Температура в некоторых районах доходила до 1000 градусов Цельсия.

Фотохроника ТАСС.

мы приехали на ст. Качалино, разместились в станице Качалинской, нашей области.

Итак, началась самая мучительная жизнь в палатках, а декабрь ой какой холодный, какая жуткая была очень и зима. Холод зверский, а надеть нам совершенно нечего. Болезнь нас свалила окончательно, мы не могли ходить. Чтобы выйти из палатки на улицу, мне нужно было ползти на четвереньках, так у меня болели ноги, и я совсем на них не могла наступить. Витя меня всегда сопровождал, он у нас единственный мужчина и тоже тяжело больной. В палатках на полу сплошной лед, ведь палатки натянули в декабре среди степи. Спать нам было не на чем, из одежды один ветхий красноармейский бушлат, да большие красноармейские ботинки с обмотками. Нам даже вместе всем спать не приходится, все мы рассыпались по палатке, где кто сможет. Постелишь бушлат - одеться нечем, оденешься - через 5 минут ноги коченеют, согнешься в три погибели, и не хватает пиджака, ни на подстилку, ни на одеяло. В палатке у нас две времянки-печи, но разве на такой холод они нагонят тепло, дрова сырые, не горят, на улице мороз под 40 градусов, а палатка из брезента. Кто-то из бойцов освободил мне место около печки на ящике, длина ящика 1 метр, сижу, сижу на нем, задремлю и сразу же просыпаюсь от холода и от падения.

Вот как мы встретили Новый 1943 год! Когда придет конец войне?..

23 февраля 1943 года. Сегодня праздник, день Красной Армии! Да, праздник, мы начали наступление по всем фронтам. Теперь, видимо, Гитлер не будет так нагло лезть напролом, ведь Сталинград для него урок немаловажный.

После освобождения Сталинграда 14 февраля Виктор с Марией ездили в Сталинград в надежде привезти теплые вещи, а приехали ни с чем, все у нас выкопали. Нет теперь у нас ничего совсем, ни Папы, ни дома, ничего. А какая была хорошая маскировка наших закопанных вещей, дом сгорел и вся груда пепла, глины и кирпича легла большим бугром на вещи. Но, оказывается, этого было мало, чтобы вещи наши уцелели, чтобы их не выкопали. А Папа так старался, когда их закапывал. Как обидно, больно, как нам сейчас тяжело. Мы голодаем, мы мерзнем, нас ест вошь, не во что ни перемениться, ни одеться. А есть люди, которые наживаются на наших слезах, на нашем горе, а ведь горе это не только наше. Горе это всей нашей страны. Кто же выкопал наши вещи? Конечно же, «Хохол и Шишига-Кудряшка». Идиоты бессовест-

ные, воры и грабители, знают же, что Папа погиб, знают, что теперь у нас ничего и никого нет. Отняли у нас последнюю надежду на тепло. Знают же, как тяжело теперь маме с нами без крова, отняли последнее, на что мы так надеялись.

Часть, где мы служили, нас рассчитала ввиду нашей болезни, особенно была больна Мама. Деться нам было некуда, видимо, придется нам ехать в Сибирь, в Минусинск, там живут наши двоюродные братья и сестры, они зовут нас к себе, у них большой дом, свое хозяйство. Деньги мы так ни разу с октября и до сегодня не получали, нам выписали документ на проезд и на 10 суток продукты. Мы их уже съели. Здесь в станице нет никакой власти, нигде не устроишься на работу, а как жить, что есть? Написала письмо 4/II М. И. Калинину, но никакого ответа еще не получила.

Тоня устроилась на работу куда-то в столовую, на кухню. Мама, Мария и Лида перешли жить в землянку. А мы - я, Витя и Тоня - продолжаем жить в палатке. (...)

Дни шли. Наша часть уехала совсем, жить нам теперь было совсем негде, в землянке, где находились Мама, Мария, Лида и еще маленький мальчик Вова, нам места не было. И вот мы обнаружили маленький саманный домик-землянку, там были одни военные, без хозяев, хозяева, видимо, уехали, эвакуировались. Мы перешли туда. Каждый день приходили и уходили «жилыцы», переночевали и шли дальше. Потом нас стали считать хозяевами. Домик без потолка, печь развалена, но топить ее можно, стены прокопченные, двери не закрываются. Полная землянка винтовок, лопат, гранат, гильз и др. барахла. Кругом люди, люди и на печи, и на полу, и в коридоре, даже ступить ногой негде.

Но, как говорят, в тесноте, но не в обиде. Места все равно находилось всем. В доме есть стол из какой-то железной подставки, есть коптилка, большая, настоящая с большим пламенем. Ну прямо красота и есть возможность писать, все спят, и так тихо. Иногда наши «квартиранты» нас угощают хлебом и солью, это настоящие люди, это сибиряки-пехотинцы, как-то ночевали у нас несколько дней, и они нас так морально поддержали, вселили в душу большую надежду. Помогли нам чем только могли. Замечательные ребята, их просто не забыть. Вечерами мы играли в карты, много спорили, но все равно расставались хорошими друзьями. (...)

26 февраля 1943 года. Какое горе, опять у нас слезы. Вчера проводили

Витю в армию. Ему же 17 лет! Все и всех поглощает проклятая война. Сколько уже погибло людей?! Погиб Папа, может, и Саша погиб уже, мы ничего не знаем, где он и что с ним. (...) Неужели еще не скоро кончится война, неужели и Витя будет на фронте? Увидимся ли мы с ним?! Фактически он уже давно на передовой, сколько он тушил бомб еще в Сталинграде? Сколько раз под страшной бомбежкой и обстрелом тушил пожары? Какая нам выпала тяжелая доля. (...)

Его сборы были очень короткие, да и что собирать-то, одежда вся при нем. В дорогу мама ему испекла лепешек из затхлой муки, которую они с Марией привезли из Сталинграда, эти лепешки были прямо несъедобные, горькие, черные, как кофе, но все равно мы им были очень рады, мы же голодали. Стоит Витя такой задумчивый, с повесткой в руках, и грустно так смотрит на Маму и Лидочку. Ничего не сказал, и трудно было угадать, что он в этот момент думал. Только взял Лиду прямо как Папа, поднял ее и несколько раз поцеловал, а сам такой бледный, худой, ведь он еще не успел оправиться после болезни, заболел он самый последний, будучи сам больным, все время ухаживал за всеми нами. Почти всегда впроголодь, а ведь лет ему 17 - самый рост. (...)

Шли медленно. Нести нам было нечего. Свой вещмешок Витя повесил через левое плечо, а правую руку подал мне. Так мы и шли, держась за руки. Я ни разу не набрала в свои огромные ботинки снега. Всю дорогу я плакала, а он уговаривал меня, как мог, утешал: «Вот когда теперь мне предоставляется возможность полностью рассчитаться с Гитлером. Отомщу за все. За смерть Папы, за наш родной Сталинград, за все наши муки и слезы. За то, что он мне не дал закончить 10-й класс. Но ты, Аня, не думай, я все равно, как окончится война, закончу 10-й класс, и ты тоже, и мы все вместе - ты, я и Тоня - пойдем учиться в институт. Правда, я постараюсь попасть потом в военное училище и буду военным комиссаром, это моя давнишняя мечта, может, в академию поступлю и всю свою жизнь отдам нашей армии, я люблю ее. А ты, Анютка, не плачь, скоро войне конец. Вернусь домой с победой. Куплю всем вам хорошие костюмы и платья. Пусть «Кудряшка» пользуется временным благополучием, награбленным, все равно долго не проживет. Даром ей не пройдет. Если жив мой старший брат, мы с ним после войны с них взыщем». (...)

Я не спала всю ночь, вспоминала наш с тобой путь от землянки до грейдерной дороги. Машины все проходили мимо и не останавлива-

Несколько месяцев бои за Сталинград велись на улицах города. В подвалах и бомбоубежищах всё это время находились тысячи женщин, детей и стариков - те, кто не успел эвакуироваться на левый берег Волги.

Фотохроника ТАСС.

лись. Одна остановилась, в ней было много людей, ты поцеловал меня и прыгнул в машину. Стоял в рост, ветер трепал твои волосы, ты мне махал шапкой, а я стояла и плакала, не в силах сойти с места. Стояла, пока не скрылась машина за горизонт. Как мне было тяжело идти в обратный путь уже одной, без тебя. Всю дорогу плакала и ничего не видела вокруг, слезы застилали глаза. Опустела сразу наша жизнь, стало еще холоднее. Лидочка ждет тебя со вчерашнего дня и спрашивает, когда придет Витя. Я хочу с ним играть, он мне обещал сделать еще одну лодочку. Но ни сегодня, ни завтра ты, конечно, не придешь. Вернешься ли ты вообще? Ведь поехал на бойню, на войну. О! Боже! Когда же будет конец войне?!

7 марта 1943 года. После того как уехал Витя, мы с Тоней устроились работать в БАО (батальон авиационного обслуживания) прачками. Работа очень тяжелая. Да и когда нам приходилось так помногу стирать руками. Ведь в армии мы стирали машиной. Выстирать надо было одним куском 120 штук белья. Девочки, которые работают давно, все это делают свободно, им и мыла хватает, и руки они не растирают. А у нас все руки в сплошных ранах и мыла хватает только на несколько штук белья. Стираем медленно, отстаем ото всех, нет умения. Стираем в одном общем большом деревянном корыте. После стирки все купаемся. Устаем ужасно. Нас кормят, половину своей еды мы носим для Мамаы, Марии и Лиды. Ходим голодные, хлеба нет, чаще всего нам дают гороховый суп. Кусочек хлеба, чаще всего мы несем его Лидочке, ведь она маленькая. Часто кружится голова. После стирки «домой» идем усталые, дорога длинная - 5-6 км. Обычно мы идем трое, я, Тоня и Аня Жигимонт, одной идти страшно. По дороге очень много немецких трупов валяется. Иногда даже идем и поем песни, время быстрее проходит, дорога короче становится, усталость проходит, ведь мы молодые. И о чем только мы не говорим по дороге? Больше всего, конечно, о том, как хорошо жили до войны. По этой же самой дороге ходят летчики. Живут они где-то недалеко от нас. Догонят нас, говорят: «А вот и наши девочки». Сейчас они стали обгонять нас и, видимо, это они ставят мертвых немцев на ноги и дают им в руки винтовки. Проходить нам мимо такого зрелища очень страшно, и мы всегда не идем, а бежим мимо этого места. Они стоят и смеются, а нам не до смеха, страшно до смерти. Лица у всех перепашены и вообще страх невыносимый. Надо же додуматься до таких шуток. Возвращаясь домой, рассказываем все это своим «квартирантам»-пехотинцам и все вместе смеемся. (...)

23 марта 1943 года. От Вити все еще ничего нет. Не может быть, чтобы он ничего до сих пор нам не написал. Почти месяц как уехал. Что с ним? Как плохо без него. Он был нашей опорой, нашей защитой. Нет дня, нет часа, чтобы мы его не вспоминали. Вспоминаем Папу и плачем. (...)

Девочки ежедневно приглашают нас пойти с ними в клуб, но мы каждый раз отказываемся. В чем идти-то? Они вечером все надевают белые кофточки, и где только они их взяли, такие хорошие, какой-то шелк, у них есть и обувь, а мы в чем пойдём? Кроме бушлата да огромных кирзовых ботинок у нас ничего нет. Правда, у меня есть платье из дома, но на ноги-то надеть нечего. Голова моя наголо острижена, остригли, когда была в бреду во время болезни тифом-туляриемией. Я сделала из прядки волос кудряшки и пришила их нитками к кусочку плотной бумаги. Кладу на голову, надеваю синий берет, а поверх него черный кружевной шарфик, концы которого опускаю по бокам, издали можно подумать, что у меня по бокам свисают две косы. И не знаю, кто назвал меня «Дарико», другие называют «Карениной».

И вот 20 марта, мы впервые отважились, я, Мария и Тоня, пойти в клуб, там была художественная самодеятельность, после танцы. А Жигимонт дала мне надеть свои галоши. Ой, какие они красивые (после кирзовых ботинок 42-го размера), ну прямо как туфли лаковые. Художественная часть очень понравилась, да и как не понравиться, больше полгода не слышать музыки и песен. Я даже танцевала с Марией, а потом она с Федей ушла, мы остались с Тоней. Меня пригласил на танец один мальчик. Мы познакомились, он летчик, зовут его Валея. На следующий танец меня опять пригласили на танец. А потом танцевала с Валея, он спросил, кто я и откуда, я сказала. Когда танцы кончились, он немного проводил нас. Пришли домой, а в ушах еще долго звучали звуки вальса, фокстрота и танго. Мама сказала, есть нечего, а танцуете на голодуху-то. Протанцевались, а поесть нечего.

28 марта 1943 года. Из БАО нас рассчитали 25 марта, приглашали ехать с ними дальше, но я не согласилась. 25-го же мы с Тоней уехали в Сталинград. Ехали поездом без остановки до самого Воропоново. Сошли уже под вечер. Идти, но куда, где переночевать - до Сталинграда 30 км. Мы пошли, собственно, сами не зная куда, кругом степь, ни домика, ни огонька. Увидели вышку и направились к ней, но успели сделать несколько шагов, как услышали: «Стой, кто идет? Ни с места, а то стреляю». Мы остановились. Подошел боец и стал нас ругать: «Куда вас не-

сет, здесь мины». Перепугались до смерти и попросили его указать нам дорогу. Он показал дорогу и добавил: «Здесь недалеко есть землянка, там можно переночевать». Приходим. Вышла пожилая женщина и сразу спросила: хлеб есть? Мы отдали две лепешки, что Мама дала нам в дорогу. Поместились в уголке, не успели еще задремать, как в землянку повалило много мужчин - военных и невоенных. Все пили водку, пели песни, ругались. Потом началась драка. (...)

3 апреля 1943 года. Только что пришли с Тоней, были на танцах. Смешно даже, но мы ходили на танцы в клуб летчиков. Вот что значит молодость, весь день мы ничего не ели, голодные, а вечер наступил - пошли на танцы. Аня Жигимонт опять давала мне надеть свои галоши, вот бы мне такие, но где их взять? Еще не совсем стемнело. Явился Валя со своим другом и пригласил нас на танцы. Мы оделись, а когда вышли, ни Вали, ни его друга не было. Мы были удивлены, почему они нас не подождали. Тогда мы пошли одни без провожатых. Когда мы пришли, музыка играла и танцы начались. В дверях стояли парни, мы смутились и хотели уйти домой. Кто-то из них даже спросил: «А вы, девочки, пришли танцевать с кем?» В это же самое время какие-то другие ребята подхватили нас и втолкнули в толпу танцующих. Мы танцевали с Тоней. Я видела Валу, он видел меня, но даже ни разу не подошел ко мне. Интересно, что у него за цель, пришел пригласил и, не дождавшись, ушел. Вел себя так, будто бы он не узнал меня вовсе. Интересно, в чем же дело? Думаю, что в том, что плохо одета, видимо.

Как только начинала играть музыка, мы, не дожидаясь никого, шли с Тоней танцевать. Стоять и ждать, когда тебя пригласят, было очень неудобно, ведь мы всего второй раз пришли на танцы. Нас несколько раз пытались разбить, но мы уже назло танцевали одни. В перерыве между танцами к нам подошел паренек и, обращаясь ко мне, попросил поводить его, ответила «водить не умею». Заиграли последний танец - фокстрот «Черные глаза», мы с Тоней пошли и почти без перерыва кружились в обе стороны, а потом услышали со всех сторон: «Ну и молодцы девчата, а говорили, что не умеют водить». Как только смолкла музыка, мы быстро оделись и почти бегом выбежали на улицу, так бегом до самого дома.

Только подумать, мы в таком одеянии ходили на танцы с Тоней. Мама говорит, и какая вам охота танцевать голодными.